

?

Тишина

Елена Стриж

18+

Секс. Розовый бархат

Елена Стриж

Тишина

«Автор»

2019

Стриж Е.

Тишина / Е. Стриж — «Автор», 2019 — (Секс. Розовый бархат)

ISBN 978-5-532-93071-1

Что такое секс и сексуальность? С первым все понятно, а вот со вторым постараемся разобраться. Сексуальность является врождённой потребностью и функцией человеческого организма, подобно процессам дыхания, пищеварения и др. Человек рождается с определённым физиологическим сексуальным потенциалом, далее сексуальность формируется уже в рамках индивидуального жизненного опыта. Автор постарался показать в книге эротическую и сексуальную сторону человека.

ISBN 978-5-532-93071-1

© Стриж Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Вступление	5
Жена	7
Дон Жуан	13
Верка	16
Пианистка	20
Витрина в ночи	29
Фотосессия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Стриж Тишина

Вступление

Любовь есть единственная разумная деятельность человека.

Л. Н. Толстой

Что такое секс и сексуальность? С первым все понятно, а вот со вторым постараемся разобраться.

Сексуальность – совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения.

Сексуальность является **врождённой** потребностью и функцией человеческого организма, подобно процессам дыхания, пищеварения и др. Человек рождается с определённым физиологическим сексуальным потенциалом, далее сексуальность формируется уже в рамках индивидуального жизненного опыта.

Типы сексуальных культур:

Аполлоновский тип, характерный для античного общества.

Либеральный тип, характеризующийся терпимостью в отношении широкого разнообразия проявлений сексуальности, отсутствием принуждения к определённым нормативным формам сексуального поведения.

«Культуры бедности», формирующиеся в пролетарской и крестьянской среде как в развитых, так и в развивающихся странах с заметным влиянием патриархальных традиций.

Культуры любовников, характеризующиеся распространённостью двойных моральных стандартов, осуждающих открытые проявления сексуальности, но допускающих «за закрытыми дверями» отдельные проявления сексуальной свободы, в том числе супружескую измену (для одного или обоих партнёров).

Оргиастические культуры, абсолютизирующие цель достижения удовольствия как результат сексуальных отношений и допускающие для этого все формы сексуальной активности, в том числе гомосексуальные отношения, групповые формы сексуальной активности, сексуальные девиации и т. д.

Мистические культуры, в которых сексуальное поведение является формой реализации религиозных и философских предписаний (даосские сексуальные практики, тантрический секс).

Репрессивные культуры, стремящиеся к практически полному подавлению сексуальности, что выражается в крайне строгих запретах на внебрачные и добрачные связи, отсутствии системы сексуального воспитания, ограничении роли сексуальных отношений в браке продолжением рода.

Пуританская культура, являющаяся крайним выражением религиозной (в первую очередь протестантской) установки христианства на отказ от земных удовольствий, в том числе сексуальных. Для пуританской культуры характерны цензурные запреты, касающиеся всех хотя бы косвенно связанных с сексуальностью тем литературы, искусства и даже медицины, распространение ложных представлений о вреде сексуальных отношений.

Именно от типа сексуальных культур и социума, в котором мы растем (страна, семья, религия, национальность, литература, история, СМИ...), формируется тип секса. Для одних – прекрасное состояние, для других – возможное, для третьих – приемлемое, а для кого-то – ненужное.

Автор постарался показать в книге эротическую и сексуальную сторону человека.

Читайте и делайте свои выводы.

Жена

Рассказ из книги «Всему есть желание» глава 5

– Ты не забыла, что я твой муж?

– Что?! – возмутилась Лариса, и ее глаза округлились, словно она увидела летающую тарелку.

– Ты моя жена, – спокойно ответил молодой человек и чуть улыбнулся.

– Но?

Юля стояла в стороне и ничего не понимала. Бурная встреча двух старых друзей вдруг обернулась такой неожиданностью.

– Ты обещала быть моей, – продолжил юноша и подошел чуть ближе к Ларисе, а та от неожиданности сделала шаг назад.

– Но?

– Ты говорила, что будешь навеки моей. Ты моя жена, – еще раз сказал он.

– Но...

Детство – время экспериментов и игр. На даче все меняется, забываешь про город, про своих подружек, про свой дом и мир, в котором живешь. Тут все иное, новые друзья и новые тайны.

Лариса не любила возиться на грядках, да и зачем, если к утру сорняки опять вылезут. Поэтому мама отпускала ее играть, но настаивала, чтобы та обязательно приходила к обеду.

Наверное, так поступали все родители, иначе зачем лето, если не играть. Вот дети и собирались где-ни-будь стайкой и бегали от дома к дому, придумывая себе новые приключения.

– У тебя мама целуется с отцом? – спросила Галя.

– Ну да, бывает...

– А мои вот нет, – немного разочаровано ответила девочка.

– А ты может не видишь.

– Я все вижу, все знаю, они не целуются.

– А тебе то что от этого?

– Да так, просто странно. Вот у Генки отец вечно лезет к бабе Вере, поэтому у них куча детей, а Лешкина мама цепляется к отцу Славки, – девочка вздохнула, словно решала сложную задачу.

Лариса присела, свесила ноги с крыши и посмотрела вниз, где в загоне бегал кролик. Он что-то там рыл, прыгал, опять рыл и так весь день.

– Пойдем к Максиму, у него дедушка сделал небольшой домик для игр, обещал еще лестницу собрать и достроить чердачок.

– Там собака.

– Она же на цепи сидит.

– Все равно лает. А когда проходишь мимо, еще и рычит.

– Это ее работа – пугать всех.

Галя вздохнула, посмотрела на свою подружку, потом в сторону дома Макса и, кивнув, спрыгнула на землю.

Домик действительно оказался потрясным. Два окошка, маленький столик, из ящика дедушка сделал скамейку, а на стену прикрепил старую полку, на которой Макс расставил кучу пустых баночек.

– Надо шторы, – сказала Галя.

– И коврик на ящик, а то занозы останутся.

– А еще бутылку с водой, у нас дома есть компот.

– А у нас мама купила булочки.

– Я принесу раскраски, фломастеры еще пишут.

– А у меня есть старый плед, все равно лежит на чердаке, – сказал Витя.

– Побежали, – тут же сказала Галя, и вся детвора разлетелась в разные стороны, словно воробы.

К вечеру маленький домик уже сверкал и стал каким-то уютным. Девочки принесли цветы, подмели, даже вытерли пыль, а парни вбили гвозди и натянули веревки, чтобы можно было повесить шторы. Вместо входной двери повесили плотную ткань, и теперь, если дул прохладный ветер, в домике все равно было тепло.

Второй этаж дедушка доколотил. Наверное, он вспомнил свое детство, вот и кряхтел, а парни ему помогали, пилили и колотили. На второй день ближе к вечеру даже покрасили стены и крышу.

– Красиво, – восторгаясь домиком, сказала Галя. Она поднялась по лестнице на второй этаж и сразу заявила. – Это моя комната.

– Э... – возмутился Генка. – Я тоже хочу туда.

– А я внизу, – заявила Лариса и тут же шмыгнула в дверной проем, в который с трудом можно было пролезть на четвереньках.

– Стой, я с тобой, – крикнул Максим.

– Не толкайся, – возмутилась Лариса, протискиваясь между ящиком и столиком.

– Во че я принес, – вверху что-то зашуршало.

– Что там у вас?

– Зефирки, идите к нам.

– Пошли в гости, – тут же заявила Лариса Максиму.

И уже через минуту, пыхтя вчетвером, они залезли в маленькую комнатку. Сладости быстро кончились, но тут же у Гали нашлась заправка: несколько мармеладок, покрытых прилипшими травинками.

– А давайте вы вверху, а мы внизу, – предложил Макс.

– Точно, в семью играть.

– Это как так? – поинтересовался Генка.

– Ну как у тебя дома, мама и папа...

– Скукота, – тут же высказал он свое мнение.

– Ниче ты не понимаешь, я научу тебя. Ну что, согласны? – дети переглянулись и все дружно закивали головами.

Что такое семья? У каждого было свое представление.

– На, подметай, – спустившись к себе, заявила Лариса Максиму.

– Почему я?

– Потому что я помою окна, смотри какие грязные.

– Дак тут же стекла нет.

– Не твоего ума дело. На, подметай и все.

Мальчик не стал спорить с девочкой, с ними вообще бесполезно спорить, легче все сделать, а после отдыхать.

– Ты что пыль поднимаешь? Тише мети, вот так, вот так, – она взяла у него маленькую метелку, что сделала из пучка травы, и показала как надо мети. – А потом принеси мне вон ту доску.

– Зачем?

– А я вот сюда положу, сандалии здесь оставим, а то смотри, песок в дом несем.

– Ладно, на тебе метлу, а я за доской.

– Вот лишь бы отлынивать, – запричитала Лариса, взяла пучок травы и стала дometать за Максимом.

Над головами скрипели доски. Галя тоже суежилась, Генка убежал, а после притащил небольшую подушку и розовый коврик.

– Ух ты, – восхитилась Лариса, увидев, как у соседей стало уютно.

Они весь день только и делали, что убегали и что-то тащили в свой новый дом. Так появилась картина, которую Макс нашел на улице, а Генка откуда-то взял три кружки с отколотой эмалью. Но Галя их вымыла, и теперь можно было пить компот. Лариса нашла зеленую банку, налила воды и поставила в них цветы.

Дети радовались новой игре, иногда кричали друг на друга, смеялись, залезали в гости, уплетали все, что находили, и сытые расползались по своим комнаткам.

– Здорово, – почти шепотом сказала Лариса, вытягиваясь во весь рост на полу.

– Подвинься, – сказал Максим и стал втискиваться между ней и ящиком, что служил стулом.

– У меня муж, – вдруг послышался сверху голос Гали.

– Кто? – поинтересовалась Лариса.

– Генка. Теперь он мой муж, а я его жена.

Лариса посмотрела на Максима, что лежал рядом, и пожала плечами.

– Значит, теперь ты мой муж?

– Вроде того, – обреченно согласился Максим и посмотрел в потолок.

– А что делать?

– Не знаю, – ответил мальчик и пожал плечами.

В комнатке повисла тишина. Вверху Генка шептался с Галей, та хихикала и что-то так же тихо отвечала своему мужу.

– Ты что молчишь? – не выдержав тишины, спросила Лариса.

– А что говорить?

– Не знаю, – она повернула голову, но с одной стороны были шершавые доски, а с другой стороны нос Максима. – Расскажи что-нибудь.

– Что?

– Не знаю, ну что-нибудь.

– Я не знаю, – как-то растеряно ответил мальчик.

– Ну что за муж, даже развлечь жену не можешь, – девочка повернулась к нему, дунула в лицо и тихо спросила. – А что у тебя мама с отцом делают?

– Мама на кухне, а после гладит и ворчит, еще стирает и убирает, а еще...

– Ясно, тоска. А что отец?

– То... в гараже, вечно ремонтирует машину и еще смотрит телек.

– Полный улет...

– А что твои делают?

– Да, наверное, то же что и твои. Правда папа еще целует маму, это когда они думают, что я их не вижу, – Лариса внимательно посмотрела на Максима, похлопала глазками и тихо сказала. – Поцелуй меня.

– Зачем?

– Я так хочу.

– Ну ладно, – немного недовольно ответил мальчик, запыхтел, сел и, нагнувшись, пристально посмотрел девочке в глаза.

– Не томи, – возмутилась Лариса.

Максим еще ниже нагнулся и коснулся губами ее губ и замер. Девочка сперва закрыла глаза, а после заморгала от удивления. Что она хотела почувствовать? Наверное, и сама не знала, просто решила скопировать то, что делают родители. Юноша, не отрывая губ, пристально смотрел на нее.

– Все, хватит, – прошипела Лариса и чуть оттолкнула мальчика от себя.

– Ну как? – поинтересовался он.

– Тебе надо тренироваться. С Баськой (кот Ларисы) и то приятней целоваться. Ты что, этого не делал?

– Нет, – честно признался мальчик. – А ты?

– И я, – как-то грустно ответила она.

Так дети еще несколько дней прибегали в свой домик, шли купаться на карьеры, загорали и возвращались обратно. В среду утром Галя с мамой уехали в город, у нее заболел зуб, и та проплакала всю ночь. Генка с бабушкой уехали за припасами, но обещали вернуться к пятнице.

– И что нам делать? – как-то обреченно спросил Максим Ларису, а та, залезая в свой домик, только пожала плечами.

Вчера был ливень, а с утра солнце так палило, что даже карьер не радовал.

– Хочешь грушу? – спросил Максим и достал из своего пакета еще два яблока и половину сладкого батона.

– Ага, – только и ответила его жена, и сразу начала грызть грушу.

Они лежали на полу и смотрели на потолок, по которому бегал какой-то жучок. Тот бежал вправо, но, добравшись до стенки, возвращался, делал круг и снова убегал, только уже в другую сторону. «О чем они думают? – рассуждала девочка. – Вот бегают туда-сюда, а ведь у них жизнь такая короткая, слопают паука, и все...»

– Поцелуй меня, – вдруг неожиданно сказала Лариса.

Максим зачавкал, стараясь быстрее проглотить то, что жевал, вытер губы рукой и, посмотрев на девочку, нагнулся. Но и в этот раз поцелуй был такой, словно к ней прикоснулось бревно. Но Лариса была готова и уже не таращилась на него, а просто закрыла глаза. Максим некоторое время висел над ней, губы чуть задрожали.

– Ты че? – возмутилась девочка.

– Да нет, ты такая...

– Какая еще? – она думала, возмутиться или обидеться.

– Я даже не знаю. Наверное, красивая.

– А... – она впервые услышала. Ей говорили, что красивая, но что бы мальчишка, нет, это первый раз. Лариса почувствовала, что даже чуточку покраснела. – Ладно, тогда еще раз поцелуй.

Ей хотелось понять, почему взрослые это делают, ведь она это видела своими глазами, а еще много раз в кино. Но поцелуй Максима ничего нового не принес, какое-то странное прикосновение и не более того.

– Ты моя жена?

– Ну... – протянула девочка.

– А я твой муж?

– Вот новость.

– А у меня мама, когда ложится, раздевается.

– Что, совсем?

– Да, правда не всегда. Но я видел.

– А отец?

– Наверное тоже, не видел, – честно признался мальчик.

Они лежали и смотрели на потолок, сквозь щели стал проникать свет.

– Красиво. Вот смотри, это пятно похоже на рыжего кота.

– Ага, а вот этот на колесо.

– Смотри, – девочка показала пальцем на луч света, что упал на банку, и на стене отразилось целое море. – Ладно, – сказала Лариса, села и шустро стянула с себя футболку, аккуратно свернула ее. Так же шустро стянула с себя шорты вместе с трусиками. – Твоя очередь.

Мальчик сел и удивленно захлопал глазами. Он смотрел на девочку как на что-то иное, не из этого мира.

– Ну что уставился? Раздевайся, – и не дожидаясь его, она легла обратно на пол.

Максим запыхтел, несколько раз чихнул, в воздухе появилась пыль, в которой лучи света прочертили свои дорожки. Через минуту наконец и он лег рядом. Они лежали и молчали. Было слышно, как где-то работает насос, что качает воду из колодца, где-то мяукала кошка, птицы поют, и совсем рядом чирикал воробей.

– Здорово, – наконец сказал мальчик и повернул голову в сторону Ларисы. Добавил. – Круто.

– Ага, – только и ответила она и уже от удовольствия закрыла глаза.

Мир никуда не пропал, она была все в том же домике со своим нарочным мужем, а он уселся рядом и рассматривал ее тело. Обычно девчонки визжат, если за ними подсматривают мальчишки, они всего лишь подражают взрослым. Но сейчас почему-то Ларисе было приятно, когда на нее смотрел Максим. Она не могла объяснить почему, но приятно.

– Ты что делаешь? – как бы проснулась она от своих мечтаний.

Мальчик, кряхтя, лег на нее и, улыбнувшись, серьезно сказал:

– Так делают взрослые, – чуть приподнявшись на руках, гордо посмотрел на лежащую под ним девочку.

– Ты тяжелый, тебе это разве не говорили.

Лариса скорчилась, уперлась руками Максиму в грудь и чуть приподняла его.

– Фух, – с облегчением вдохнула она. – Ну и тяжелый же ты. Все, полежал и хватит, я так больше не могу.

– Потом еще? – спросил он ее.

– Да-да, потом, – еле произнесла она, и когда он скатился с нее, Лариса с облегчением задышала. – Тебе надо худеть.

– Ты моя жена?

– Да, наверное, – немного неуверенно ответила девочка.

– Значит я твой муж?

– Вот заладил, – она посмотрела на букашку, что продолжала бегать по потолку. – А давай поклянемся. Вот есть же лебеди, мама говорит, что они неразлучники, если полюбили друг друга, то навсегда. Ты мой муж, а я твоя жена.

– Навеки? – спросил мальчик и так же как она посмотрел на букашку.

– Да, навеки.

– Клянусь, – тут же заявил он.

– Клянусь, – повторила она.

– Макс, это ведь была детская шутка, – сказала девушка и, улыбнувшись своей подружке, добавила. – Дали клятву, что будем вместе. Он жених...

– Муж, – пояснил юноша.

– Ну да, вот так как-то, а я вроде того...

– Жена, – опять пояснил молодой человек.

– А... – протянула Юля и внимательно посмотрела на псевдомужа.

– Привет, – он кивнул, и Юля тоже в ответ кивнула. – Я, в общем, того, под Новый год женился...

– Козел, – шутя выругалась Лариса. – А ведь обещал быть моим. А впрочем, ну и ладно, я тоже выхожу замуж, вот и свидетельница, – она кивнула в сторону Юли. – Не смотри на нее так, она замужем...

– Да я так, просто...

– Знаю я тебя просто. Слушай, а ты целоваться научился? – тихо спросила Лариса юношу.

– Хочешь проверить?

– Да нет, поверю на слово, – и ее лицо засияло какой-то странной радостью.

Детство – время игр и безобидных экспериментов, познаний и открытий. Девушки улынулись друг другу, взялись под ручку и, смеясь, пошли дальше гулять по городу.

Дон Жуан

Рассказ из книги «Всеу есть желание» глава 15

Потребности души рожают дружбу, потребности ума – уважение, а потребности тела – сексуальное желание. А все три вместе рожают любовь. Но Лева не мог объединить все три чувства. Да, было время, когда любил, но это было слишком давно, и порой казалось, что это было не с ним, что все приснилось.

С Вадимом он подружился в армии. Вместе стояли в карауле, вместе мыли полы, ходили в наряд на кухню, вместе просидели трое суток в бомбоубежище, а после вместе таскали железные ящики с боеприпасами. Они даже вместе уволились в запас, только Вадим уехал в свой маленький город, а Лева в Москву. Он любил шум, толкотню в метро, крики и гам в магазинах. Ему казалось, это и есть жизнь, вот она тут, а там тишь и благодать.

Любовь-сторге, любовь-дружба, любовь-прагме, любовь-людус, любовь-игра, любовь-мания, любовь-одержимость. «Да сколько же этой любви?» – спрашивал он сам себя и старался найти свое место в этом списке.

Первый раз получилось глупо. Вика сама его утатила, а он только сделал свое дело. После несколько раз встречались, Лева даже это понравилось и казалось, что надолго. Но Вика заявила, что все кончено. Вот так просто. Все кончено, и не более того. Он растерялся и постарался разобраться, почему так, что он сделал не то?

Все просто. Секс, что за ним стоит? Как грубо шутят французы: «Секс – это еще не повод для знакомства и тем более не повод для создания семьи». Вика поступила именно так, и теперь Лева остался один. Он смотрел девчонкам в глаза, искал в них ответы, но те хихикали, подмигивали ему, а он, как петух, выпирая грудь вперед, пер, считая все на своем пути.

Второй была Оля. Ее он запомнил навсегда. Брюнетка, высокая, широкие плечи и эти глаза. Да, именно они его поразили, они говорили так много и в то же время ничего. Ему показалось, что он даже влюбился, хотя сам не знал, что это такое. Читал, смотрел кино и даже представлял, каково это – любить. В груди сердце билось, но после той ночи оно успокоилось и, когда уже встречал ее, сердце не реагировало. Словно ничего и не было.

Лева мечтал, чтобы опять тяжело дышать, ждать у подъезда, и чтобы сердце щемило. Ему этого не хватало, и он увлекся третьей, ее звали Вера. Они вместе ходили на лекции, сидели и готовились к экзаменам. А после, когда ее соседка по общежитию уехала на зимние каникулы домой, он остался у нее. И снова сердце стучало, и он, тяжело дыша, прижимался к ней и шептал какие-то слова, смысл которых не понимал. Но девушки так устроены, что они хотят слышать только то, что им нравится, значит про них. И Лева усвоил этот урок, теперь он знал что шептать.

Говорят, женщина любит ушами, а мужчина руками. Это верно сказано. После была Лена, немного угрюмая и задумчивая. Лева молчал, не болтал, все держал в себе и, даже когда в компании его допытывали, каково это с девчонкой, он продолжал хранить свою тайну.

Женщина и мужчина живут в разных мирах, для них приоритетны разные ценности, действуют они, следуя разным жизненным правилам. Мужчины используют любовь, чтобы получить секс. Женщины используют секс, чтобы получить любовь. Лева не говорил, что любит. Он говорил какая она красивая, замечательная, обворожительная и талантливая. Он говорил, наверное, то, что хочет услышать каждая женщина и те, услышав это, просто таяли в его объятиях.

Лена кричала на него, говорила, что он сволочь, бросает ее. Но он ведь ей ничего не обещал, она получила, что хотела, и он не упустил своего. Но сердце опять затихло и снова тоска в душе. Ему хотелось еще и еще. Лева искал их, словно выходил на охоту, присматривался,

теперь он уже не смотрел на глаза, больше уделял внимание телу. Какое оно? Толстое, стройное, каков цвет волос, объем и размеры, он сравнивал и искал свой идеал. Но разве бывает идеал, это ведь не математический расчет. Но ему было все равно, он знал, что не любит. Сердце начинало биться все чаще и чаще. Оно словно радар сканировало толпу девушек, отсеивало лишних, оставляя несколько претендентов, а после давало команду на атаку.

Лева пер вперед, не обращая внимание на последствия. Ему она нужна, и как можно скорей, иначе он сгорит, сойдет с ума. Арина была девушкой Виктора. Лева несколько раз встречался с ней в вестибюле института. Слова, как магия, что они делают с человеком. Она кивала головой и тайно улыбалась ему. Он дождался ее, а после был первый поцелуй и все закрутилось. Лева как охотник день за днем выслеживал ее. Арина знала это и, порой замедляя шаг, давала возможность подойти ему и снова сказать несколько слов, которые она так хотела услышать.

Странные эти женщины, сами говорят, что любят своего парня, но уже через час снимают с себя одежду и готовы на все, чтобы получить кусочек счастья. Лева не упустил момента, и Арина стала его. Пусть на час или два, но только его. А потом сердце опять успокоилось и снова в душе пустота.

Он привык быть охотником, его список трофеев рос. Сперва Лева описывал все подробно, ему это нравилось, переживал моменты. А после все стало как-то обыденно, и он отмечал в своей тетради дату и имя.

Прав был Оскар Уайльд, когда писал: «Влюбленность начинается с того, что человек обманывает себя, а кончается тем, что он обманывает другого». Печально думать, но Лева с ним полностью соглашался.

– Опять один? – спросила Юля у Левы и села на место водителя.

Сегодня свадьба и Лариса сама не своя, такая робкая, такая мягкая. Она дождалась момента, поставила подпись и гордо посмотрела на своего мужа. Новый статус, новый шаг в жизни, вот только бы его сохранить. Юля радовалась за нее, словно сама вышла повторно замуж. Она знала, что будут крики горько и поцелуи.

– А ты почему не женишься?

– Да как-то не получилось еще. Наверное, моя невеста еще не родилась.

– Самобичеванием занимаешься? Хочешь, чтобы пожалели, посочувствовали?

– От тебя не скрыть истинны. Ты права. Наверное, этого мне и хочется, – он наклонился вперед и спросил. – Пожалеешь меня?

– Сам себя пожалей, скоро с тебя песок начнет сыпаться, и кому будешь нужен?

Лева не думал над этим. Молодость все стирает, ошибки и прошлое. Кажется, впереди столько времени, все успеешь.

– Ну, хоть посочувствуй? – жалобно попросил он ее.

– Маленький, кто тебя обидел? Не грусти, скоро обед, а после, – Юля улыбнулась и со смехом добавила, – сон час.

– А можно сразу перейти к часу...

– Можно, ты свою работу в загсе выполнил, но сон час не со мной.

– Э...

– Вон, девчонок много и почти все не замужем. Давай, не теряй время даром.

У дома засуетились, появились Лариса с Вадимом, Юля тут же выскользнула из машины и бросилась к подружке.

Потом была Валентина. Она была старше Левы лет на пять, но он позарился на нее только потому, что та держала дистанцию, говоря всем без исключения, что она недосыгаема для плотских утех. Лева постарался, тут надо было действовать с умом. Он не спеша прощупал почву,

узнал, чем увлекается Валя, а после лед тронулся. Не все сразу сработало, один раз получил пощечину, она извинилась и на удивление стала мягче, будто хотела исправить ситуацию. А после, уже спустя месяц глупого ухаживания, она сама спросила: «Когда ты меня поцелуешь?»

Чем труднее препятствие, тем больше ты ценишь результат. Лева гордился финишем, гладил ее грудь и наслаждался тем, что он первый, кто это делал.

А после перешёл на новый уровень. Теперь он увлекался девушками, которые уже были кем-то заняты, по крайней мере, они так считали. Он стал тайно соревноваться с их парнями и мужьями. Тут нужно быть осторожным, можно нарваться на неприятности. Но у него была своя тактика, тут главное время, а его у него много.

За год в институте он смог уложить в постель Марину, буквально тайком вырвал ее от Андрея всего на пару часов. Теперь он знал о ней так много, она стала его первой тайной. А весной после вечеринки он поступил нечестно. Светлана выпила и потеряла контроль. Ему казалось, что она не против, через пару дней его поймали. Он отделался легко: сломанный нос и вывих ключицы.

Но сердце щемило, и полученный урок заставил быть осторожней. Что-то изменилось. Нет, причина тому – не сломанный нос, его в травматологии поставили на место. Что-то было не так. Сердце перестало биться, пустота. Он смотрел на девушек, они смеялись и Лева знал, что стоит немного приложить усилия, и обязательно хоть одна да попадет на крючок. Но он хотел не этого, а приза, достойного себя.

Лева вышел из машины. Гости кричали, дети сустились, монетки летели вверх. И эти счастливые глаза невесты. Сердце застучало и в груди все сжалось. Лева улыбнулся, что-то проснулось в нем, он радостно замахал рукой, и Лариса ответила ему тем же. «Еще есть время», – подумал он и побежал за женихом.

Верка

Рассказ из книги «Суслик» глава 1

- Ты куда идешь?
- Отстань.
- Ну куда? – крикнул вдогонку щуплый мальчишка.
- Тебе какое дело?
- Никакого. И все же, куда? – не унимался он.
- Слушай, тебе что, делать нечего?
- Есть, – не сбавляя шагу и не отставая, ответил он.
- Вот и иди, займись своими делами, а ко мне не приставай, – возмутилась девушка и ускорила шаг.
- А тебе что, жаль?
- Да, – резко ответила ему.
- А что так?
- Мне некогда, отстань, – не останавливалась она и зло посмотрела на мальчишку.

- А ты куда так спешишь?
 - Что?
 - Куда, спрашиваю, спешишь? – не унимался он, быстро перебирая ногами, стараясь не отстать.
 - Надо. И вообще, что тебе от меня надо?
 - Ничего, просто так.
 - Просто так не бывает, что надо? – девушка стала злиться.
 - Ничего.
 - Странно, ничего, а все талдычишь, куда да куда я иду.
 - Да, куда? – повторил он свой вопрос.
 - Опять ты за свое. Отстань.
 - Не могу, – не унимался он.
 - Почему?
 - Не знаю, просто интересно, куда это ты бегаешь каждый день, да еще так шустро.
 - Ты что, следишь за мной? – поинтересовалась она.
 - Нет, но ты каждый день в одно и то же время бежишь за Веркой.
 - Что? – она резко остановилась, была явно этому удивлена.
 - Ну да, как только Верка выскакивает из конторки, ты сразу за ней.
 - Какая еще Верка? – сделала удивленный голос девушка и пошла дальше.
 - Не притворяйся. Может мне у нее спросить, куда она ходит, тогда будет понятно.
 - Ну что ты пристал ко мне? Вот тогда иди сам за Веркой! – она уже не знала, как отвя-
заться от него. Может отпинать или убежать? Но ведь догонит.
 - Не могу, – честно признался он.
 - Почему это?
 - Она уже ушла, – как факт сказал мальчишка и сразу спросил, – а ты знаешь куда?
 - Мне что, перед тобой отчет держать?
 - Нет, просто скажи, вот и все.
- Шлепая порванными сандалями, девушка шла по единственной деревенской улице, что начиналась от селы и уходила за просеку, к старому, как сама вечность, кладбищу. Шла быстро и на ходу успевала отвечать на дурацкие вопросы. А он все не отставал, то шел вприпрыжку, то бежал за ней.
- Если не скажешь, то Верке расскажу, что за ней следишь, – вдруг заявил мальчишка.
 - Вот черт!
 - Не ругайся, просто меня раздрает любопытство.
- Девушка остановилась как вкопанная. Пацан, что бежал за ней, чуть не налетел на нее. Тяжело дыша от быстрой ходьбы, она повернулась, пристально посмотрела ему в глаза, потом оценивающим взглядом скользнула с макушки головы до пыльных пят и сказала:
- Ты как банный лист пристал и не отстаешь.
 - Что?
 - Что да что, – она задумалась на какое то время, потом посмотрела в направлении, куда ушла Верка. – Хорошо, но если ты кому-то расскажешь, я не знаю, что с тобой сделаю... Скажу, что ты подсматривал за Веркой в бане.
 - Что?
 - Тогда посмотрим, как ты будешь от нее бегать.
 - Это нечестно, – возмутился он, – и вообще, я не подсматривал за ней.
 - А кто тебе поверит? – она вопросительно смотрела на него. – Ну что, согласен?
 - Ладно, – еле выдавил из себя пацан.
 - Громче, а то я не поняла, – резко заявила она.

– Ладно, чтоб мне пусто было, никому, – и щелкнул ногтем по зубу, как дают клятву малышня, – ну, говори.

– Нет, – и не дожидаясь ответа, пошла еще быстрее чем прежде.

– Не честно, – закричал он и бросился за ней.

– Идем, все равно не поверишь, – и она тут же перепрыгнула через изгородь и пошла по огороду, засаженному картошкой.

– Куда идем?

– Все. А теперь молчать и не слова, – почти приказала девушка.

Она шла так быстро, что ее сопровождающий несколько раз падал. Он ругался, но продолжал идти за ней. Девушку зовут Светлана, в поселке всегда была самой бойкой. Наверное, поэтому к ней и тянулись парни. И не только ее ровесники, но и эта шпана как Игорь, что сейчас бежал за ней. Он всего-то младше на год, но вот ростом не удался, поэтому, все его и называли стручком-недоростком. Светлана была выше его почти на голову и этим гордилась.

Наконец они прошли поле и начали спускаться к реке. Светлана повернулась к Игорю, он хотел было ее спросить, что встали, но она опередила.

– Молчи и тихо иди за мной, тихо, понял? – в ответ он кивнул. Только было хотел открыть рот для вопроса, как она резко повторила. – Молчи!

Девушка шагнула в камыши. Шли по еле заметной тропинке, иногда под ногами хлюпала вода, потом они вышли на небольшой бугорок и с него спустились к обрыву. Светлана нагнулась, повернулась к Игорю, приложила палец к губам, давая тем самым понять, что теперь надо вести себя совсем тихо. Она прошла несколько метров, присела на корточки и поползла на коленках к самому краю обрыва, а потом и совсем легла на живот и, раздвигая руками высокую траву, по-пластунски поползла. Игорь сделал то же самое, но учитывая, что он не знал, чего ожидать, то делал это гораздо медленней и осторожней, как будто боялся спугнуть белку на полянке.

Оба тяжело дышали, сквозь траву они увидели на противоположном берегу реки Верку. Она с кем-то целовалась, кто-то ее прижимал, а она изгибалась у него в руках, да так сильно, что подол платья сбился, и Игорь заметил ее широкие трусы. Увидев эту сцену, он сделал невозмутимое лицо, мол, что я бежал и полз за тем, чтобы подглядывать за какой-то Веркой. И хотел уже что-то прошептать, как Светлана приложила палец к его губам, говоря тем самым: «Молчи».

– Тихо, сейчас начнется, – и не получив ответа, девушка, как кошка в поле, еще ниже прижалась к земле и осторожно подтянулась чуть-чуть к обрыву.

Игорь отвернулся и, копируя ее движения, продвинулся чуть ближе вперед. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что с Верки уже было снято платье. Теперь ему действительно стало любопытно, и он еще чуть-чуть продвинулся вперед. Верка кувыркалась среди кустов, Игорь никак не мог понять, кто это с ней. Ее белые ноги то и дело мелькали среди листвы, а потом она сама стащила с себя трусы, и тут они увидели ее белоснежный зад. Игорь не выдержал и зашептал:

– Вот это да, – почувствовав на себе свирепый Светин взгляд, он вжал голову в плечи, как будто ожидал оплеуху.

Они оба замерли и впились глазами в сцену, что разворачивалась там внизу. Мало что было видно среди кустов, но смысл был понятен, доносившиеся звуки дополняли картину. Светлана отползла от края и легла на спину. Игорю тоже стало не по себе, как будто ему больше всего это надо, но любопытство брало свое, и он еще несколько раз подползал к краю обрыва и всматривался в очертания тел, что бесформенно переплетались среди зелени.

Все стихло. Они оба лежали на спине и смотрели в небо, там очень высоко проплывали прозрачные облака. Первой тишину прервала Светлана.

– Я никогда не думала, что она... – Ее слова растянулись, – это наверное здорово... Как ты думаешь?

Игорь перевернулся на живот, подполз к краю обрыва и посмотрел вниз.

– Они уходят, – тихо доложил он.

– Да, я знаю.

– Откуда?

– У нее кончается обед, вот поэтому у Верки в распоряжении только час.

– А... – Как бы понимающе сказал Игорь.

Светлана села и повернула голову в противоположную сторону.

– Как ты думаешь, что она чувствует? – задумчиво спросила она у Игоря.

– Кто?

– Вот дурак, ну конечно же Верка? – она была возмущена его тугодумием.

– Откуда мне знать, я ведь не девчонка, тебе лучше знать, – он посмотрел в сторону уходящей тети Веры. – А ты что думаешь?

– Не знаю. Наверное, это здорово, иначе бы Верка этого не делала.

– А ты давно это... – Кивнул в сторону уходящей фигуры, – приходишь сюда?

– Да нет, так, случайно получилось, – и не закончив фразы, Светлана встала и пошла.

– А ты могла бы?

– Что? – не поворачивая головы, спросила она.

Игорь соскочил и бросился за ней вдогонку.

– Ну, это, вот так, как она.

– Не знаю, не думала над этим.

Она шла и болтала на равных с Игорем. Теперь Светлана могла с ним об этом говорить, ведь он стал обладателем ее секрета. И он тоже мог с ней говорить на равных, даже несмотря на то, что она старше его и выше на целую голову.

– А ты, все же, могла бы вот так? – не унимался Игорь.

– Что так? – она поняла вопрос, но сделала вид, что нет.

– Ну, вот так, как Верка, стонать и...

– Я не она, – резко ответила Светлана, – да и тебе-то какое дело?

– Нет, я так просто спросил. Интересно, почему она так?

– Что так? – Светлана остановилась и сверху посмотрела на Игоря.

Он подошел вплотную к ней и как ни в чем не бывало посмотрел ей в глаза.

– Ну, я имел в виду... – Он хотел было закончить свои рассуждения, но Светлана не дала ему это сделать.

– Слушай, она просто занималась сексом и получала, что хотела, вот и все, – Светлана смотрела на него так, как будто вопрос был решенным и не подлежал дальнейшему обсуждению.

– Ты меня что, за идиота считаешь? Я это и так понял, я имел в виду...

– Ничего ты не имел в виду, ты просто хочешь знать, что она чувствовала в этот момент, – Светлана отвернулась от него и пошла. – Я не знаю, что она испытывала, но думаю, что это ей очень нравится, ты согласен?

В ответ Игорь только и сказал одно короткое слово:

– Да.

Пианистка

Рассказ из книги «Суслик» глава 9

- Ты где вчера пропадал?
- Да так, пришлось поторчать дома, – сухо ответил Витька.
- А что так?
- Тетка с сестренкой приехали, – немного обреченно ответил он.
- А я и не знал, что у тебя есть сестра.
- Да она не моя, троюродная, мы виделись с ней всего-то несколько раз, живет во Владивостоке.
- Ух ты, и что ее так далеко занесло?
- Проездом, через неделю едут на море, – он сказал это так радостно, будто сам отправляется отдыхать.
- Кайф.
- Да, только меня приставили к ней, – безнадежно пробубнил Витька.

– И что, ты ее водишь на песочек играть?

– Да нет, что ты, она уже большая, пианистка, ходит с зонтиком от солнца и в перчатках.

– Вот это да, – восхищенно воскликнул Макс, – ни разу не видел таких. Покаж.

– Приводи ее к нам, потусуемся, – предложил Женька и стал ковыряться в носу.

– Нет, не получится, она из дома не выходит, а если и выходит, то только во двор. Боится.

Парни засмеялись. Игорь стоял в магазине и укладывал в сетку купленные продукты. Этот разговор мало его интересовал, Витька был не из его клана, а значит враг и, соответственно, треп, что они сейчас вели, его не касался.

– Как хоть ее зовут?

– Верка... Но зовут Вера.

– Круто, и все равно приводи, можно пойти покупаться.

– Ты смеешься? Не могу представить ее купающейся.

– Что так, все плохо? – присвистнув Женька, покрутил пальцем у виска.

– Ага, – согласился Витька.

Игорь, доутрамбовал в сетку все, что купил, рассчитался и вышел на улицу. Да, подумал он, – «Надо же, ходит с зонтиком от солнца», – и зашагал домой.

На следующий день путь Игоря лежал через враждебную территорию. Поэтому шел быстро, изредка оглядывался по сторонам, ожидая в любую секунду атаки. Но улица была пуста и это его еще больше настораживало. Шел посреди дороги, невыгодная позиция, видно изда-лека. Но если кто-то выскочит к нему из дома, у него будет несколько секунд, чтобы среагировать и уйти от погони.

Уже пройдя мимо одного двора, Игорь остановился. В голове смутно замаячило что-то знакомое. Он сделал несколько шагов назад и заглянул в открытую калитку. Посреди двора стояла девушка и смотрела на него, как будто она знала, что он вернется обратно. Но странным было не это, а то, что она держала в руке кружевной зонтик от солнца, а на руках были надеты белые перчатки.

Игорь как щенок наклонил голову набок и быстро направился к ней. Подойдя, протянул руку.

– Привет, Вера, меня зовут Игорь, – он стоял с вытянутой рукой для пожатия.

Девушка удивленно смотрела на него и не шевелилась. Казалось, что она не могла сообщить, что он вообще сказал.

– Привет, – повторил он.

Она медленно протянула ему руку, он осторожно пожал ее.

– У тебя крутые веснушки, не стоит их скрывать от солнца, – и отпустил ее руку.

Вера улыбнулась, она была чуть старше его, примерно года на два. Одета во все белое, кружевное. Полупрозрачное платье с воротом под самую шею и длинными рукавами, такие же кружевные перчатки и такой же кружевной зонтик. Игорь посмотрел ей на ноги, белые босоножки и белые носочки. Ну прямо барышня из девятнадцатого века.

– Тебе лучше бы подошло имя Снежана.

Вера чуть улыбнулась.

– Хочешь, я буду твоим гидом на несколько дней?

Она молчала, как будто не умела говорить. Тут Игорь услышал знакомый раздраженный голос, он доносился со стороны дороги. Игорь быстро прыгнул в сторону и спрятался за соба-чью конуру и, кажется, сделал это вовремя. Тут же в калитку кто-то вошел, шаги остановились.

– Привет, ты кто? – голос принадлежал Юрке.

Девушка не ответила. Игорь видел, как она смотрит на вошедшего, но самого Юрки нет. На улице слышались еще голоса, которые принадлежали то ли Максиму то ли еще кому-то. Игорь напрягся и приготовился в любой момент дать деру.

– Витька дома? – спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

– Где он? – допытывался Юрка.

– Ушел с отцом, – тихо ответила Вера.

Юрка выругался и стал уходить, потом остановился и снова спросил:

– Ты тут карлика не видела?

Вера отрицательно закачала головой.

– То есть такого пацана невысокого, – и он, наверное, показал рукой примерный рост, поскольку ее взгляд чуть опустился, она снова отрицательно покачала головой.

С улицы голоса говорили, что видели Игоря всего несколько минут назад, и что надо поспешить, чтобы отрезать ему путь. Юрка снова выругался и побежал по улице, за ним побежала и вся его стая.

Вера, не сходя с места, повернулась в его сторону и спросила:

– Еще раз скажи, как тебя зовут?

– Игорь, – потом, заулыбавшись, добавил, – карлик, коротышка, тушканчик и еще черти что, но чаще суслик.

Вера на его слова заулыбалась, подошла к нему и еще раз протянула руку. Игорь как джентльмен, взял ее и, чуть коснувшись губами, чмокнул. От этого Верины губки расплылись в широкую улыбку.

– Скучно? – спросил он ее.

Она кивнула головой.

– Бывает, у некоторых горожан даже депрессия начинается, – он встал – значит, целую неделю будешь скучать.

– Три дня, – ответила она.

– Почему три дня? – немного удивился он, – а что потом?

– Я уеду.

– Ну и отлично, тогда у нас в запасе целых три дня.

– У нас? – с недоумением спросила Вера.

– Ну да. Не говори, что эти три дня ты будешь сидеть здесь как в монастыре, – и обвел взглядом двор.

– И что...

– Я могу показать тебе графскую усадьбу.

– Графскую?

– А ты что думаешь, у нас и смотреть нечего, только коровник и зверюшки?

Вера опустила глаза и тихо сказала:

– Нет, я не думаю, – и помолчав несколько секунд, добавила, – хорошо.

Игорь не понял, что хорошо. Она подняла глаза и осторожно улыбнулась.

– Я согласна, – Игорь молчал, – посмотреть ваши развалины, то есть графские, то есть прошу, покажите их мне.

Игорь засмеялся.

– Да ладно, Вер, будь проще, – и взяв за руку, повел к калитке.

– Подожди, – она отдернула руку, – я напишу записку маме.

– А, – удивился он – ну да, конечно.

Она убежала в дом. Игорь стоял во дворе, переминаясь с ноги на ногу. Время тянулось. Казалось, можно уже написать целое сочинение, а не просто записку. Наконец Вера появилась.

– Слушай, – тут же заявил Игорь, – я с тобой сейчас идти не могу.

– Как?

– Нет, мы пойдем на развалины, но ты до магазина дойдешь одна, он там, – и Игорь ткнул рукой в направлении, куда ей стоит идти. – Я буду тебя там ждать.

И сказав это, Игорь выскочил со двора и быстро пошел по дороге. Вера вышла за ним следом, закрыла калитку. Она видела, как он шел быстрым шагом. Вдруг остановился и резко побежал в сторону, через мгновение за ним бежали другие ребята. Она вздохнула, посмотрела на калитку, но не стала возвращаться, а пошла, как и обещала, к магазину.

Еще не дойдя до магазина, увидела Игоря, он стоял и махал ей рукой. Вера с облегчением вздохнула. Ей было очень неловко идти по поселку, все на нее оглядывались как на белую ворону. Девушка чуть ускорила шаг, хотелось даже побежать, но сдержала себя.

– Отлично, – сказал Игорь и, не оглядываясь по сторонам, они пошли дальше.

Идти пришлось долго, поэтому он шел не спеша, чтобы Вера успевала на своих босоножках, что явно не деревенского фасона. Спустя более чем полчаса Игорь ткнул в горизонт пальцем.

– Вон она.

– Так далеко, – уставши произнесла Вера.

– Нет, это только кажется. А ты на чем играешь? – спросил Игорь.

– На пианино.

– Я сперва подумал, что ты балерина.

– Почему?

– Ну, у тебя такая фигура прямая и ты такая тонкая и высокая.

– Что высокая это точно, – она вздохнула. Похоже, для нее это болезненная тема. – Нет, я не балерина, хотя ходила на танцы, но они не понравились, тяжело.

– А на пианино играть проще?

– Тоже нет, не надо прыгать.

– А, понятно. Значит, не нравится прыгать, а вот мне не нравилось читать по школьной программе.

– Это почему? – удивленно спросила девушка.

– Скучно.

– Но это же важно.

– Знаю, знаю, я же не говорю, что не читаю, говорю, что по школьной.

Чем дальше они уходили от поселка, тем чаще она улыбалась, будто он ее угнетал, не давал свободы. Так за разговорами они дошли до тропинки, что вела к заросшей аллее, за которой располагался графский дом.

Они пошли по еле заметной дорожке. Казалось, что ей не пользовались уже сотни лет. Вся дорога заросла, а в некоторых местах трава с лопухами вымахала почти в человеческий рост.

– А кто здесь жил? – спросила девушка.

– Я не знаю.

– Как так? – удивилась Вера.

– То, что это дом был не помещика, это уж точно, но как я понимаю, граф здесь жил редко. После революции все забрали, а потом бросили, он расположен в неудобном месте.

– Это почему?

– Там, – Игорь показал в сторону поселка. – Река, там же поля, там же дорога и мост, а там, – теперь он показывал в противоположную сторону, – низина. То есть болотистое место, и поэтому поселок не стали строить в этом направлении. Вот и получилось, что этот дом оказался на отшибе, поэтому его и бросили.

Вера вздохнула.

– Жаль, а он красивый.

Они стояли перед парадным входом. В нем сохранились окна, правда, стекол не было, и большая покосившаяся дверь. Игорь вошел, Вера шагнула за ним. Пока он шел по дому, рас-

сказывал про него что знал, где гостиная была, где топка, где жила прислуга, где были склады продовольствия. А поднявшись на второй этаж, показал чуть в стороне еще одно здание.

– Там раньше располагались конюшня и каретная.

Под ногами скрипел пол. Девушка шла осторожно, будто боялась провалиться. Заметив это, Игорь подпрыгнул, пол протяжно заскрипел, Вера закачалась.

– Не бойся, он прочный, это уж точно.

– Не делай так больше, – попросила она его.

– Ладно, – хмыкнул Игорь и двинулся дальше. – О, смотри, пианино, – он быстрым шагом пошел по большой комнате, где в центре стояло пианино. Крышки, что закрывала клавиши, не было, поэтому они все рассохлись и торчали в разные стороны. Игорь нажал на несколько, стук молоточков ударил по струнам.

– Ух ты, а оно еще работает, – радостно сказал он.

Подошла Вера и посмотрела на это жалкое зрелище.

– Раньше оно было прекрасным, смотри, – и показала пальцем на надпись, что была вырезана сбоку.

Золото осыпалось и поэтому прочитать ничего не удалось, но буквы были уж точно не русскими. Игорь обошел пианино с другой стороны.

– Иди сюда, – позвал ее.

Она убрала руку с уродливых клавиш и пошла к Игорю. Подойдя к нему, увидела то, что хотел ей показать. На станине была закреплена медная табличка с изображением двуглавого орла.

– Вот это да, – сказал Игорь.

Табличка была вся помята, наверное, ее хотели оторвать, но так и не получилось и в отместку за это рядом кто-то нарисовал звезду. Игорь отошел в сторону, на полу лежали пачки бумаг и стоял еще крепкий на вид стул.

– Вот и кресло для тебя, – он взял его, стряхнул пыль и поднес к пианино, потом еще нагнулся и вытер рукавом рубашки. – Прошу.

Вера посмотрела на импровизированное место, усмехнулась, подошла к пианино и села.

– Но оно же не играет.

– Это знаешь только ты.

Она начала перебирать клавиши. Игорь отошел, поднял с пола палку, ее конец был обгоревшим, и, подойдя к стене, начал ею рисовать. Вера перестала пытаться играть, встала и подошла к нему.

– Ты умеешь рисовать? – спросила его.

– Нет, что ты, это так, – и он продолжил вырисовывать фигуру с зонтиком от солнца.

Вера отошла назад, посмотрела на его творение со стороны и, улыбнувшись, сказала:

– А у тебя получается.

Не отрываясь от процесса, Игорь ей ответил:

– Нет, я рисовал только для себя. Хотя не скрою, мне нравится, но лица у меня не получаются, то горбатый нос, то вообще не узнать кого рисую, поэтому вот так и изгаляюсь только образами.

– И все равно здорово.

Девушка отошла еще на несколько шагов, посмотрела на набросок, что Игорь сделал на стене, а потом повернулась и пошла по комнате.

– Можешь меня нарисовать? – поинтересовалась она.

– Ну не знаю, не уверен.

– А ты попробуй.

– Бумаги нет.

Вера протянула ему старые конторские листки. С одной стороны они были заполнены какими-то таблицами, а с другой стороны чистые.

– На, – коротко сказала она.

– У меня нет карандашей или ручки.

– На, – Вера протянула ему кусочки угля.

Игорь взял и угольки.

– Ну? Куда мне сесть? – ее глаза, по-детски засияли.

Игорь посмотрел по сторонам. Кроме того стула, что стоял у разбитого пианино ничего не было.

– Вон туда. И делай вид, что играешь.

Вера так и сделала. Села за пианино, положила широко руки на клавиши, выпрямила спину и приподняла подбородок. Игорь устроился у нее за спиной и начал черкать наброски. Уголь крошился, но оставлял свой след на бумаге. Так прошло минут пять. Было видно, что Вера устала сидеть. Она несколько раз сгибала спину, поворачивала голову, но продолжала сидеть.

– Ну... Наверное все, больше ничего не добавишь, – сказал Игорь.

Вера тут же как по команде соскочила со стула и быстро подошла к Игорю. Он протянул ей рисунок, она его взяла и стала внимательно рассматривать. Игорь следил за ее выражением лица. Вера нахмурилась, потом улыбнулась, сдвинула брови, преподнесла рисунок к лицу и снова улыбнулась.

– Я сидела не так.

– Художник имеет право изменить композицию по его усмотрению, – сказал в свое оправдание Игорь.

– А зачем ты это сделал, – и она развернула рисунок в его сторону.

Игорь действительно много изменил. На рисунке сидела девушка за пианино, ее руки лежали так же как у Веры. Голова была так же приподнята и чуть повернута в сторону, но на голове была шляпка с большими полями, что прикрывала часть ее лица, и уже это придавало рисунку загадку. Платье, в которое она была одета, выглядело прозрачным, так, что была видна тень на ее теле. От этого рисунок принимал уже совсем иное настроение.

– Интересно, – она отдала рисунок Игорю, подошла к пианино и села за него, а потом постаралась придать телу то положение, что было на рисунке. – Так неудобно сидеть, – и она положила руки на колени.

Игорь хмыкнул.

– Не все, что красиво, является удобным.

– Это точно.

Она встала, взяла зонтик и пошла в другую комнату. Там на полу лежала старая разбитая мебель.

– Стой! – приказала Вера Игорю. – Постой здесь и не заходи.

Вера вошла в комнату, постаралась закрыть за собой дверь, и ей это с трудом удалось. Игорь стоял и крутил в руке чистые листы бумаги.

– Входи, – крикнула она из-за двери.

Он осторожно открыл дверь, она скрипела. Игорь вошел в комнату. Вера сидела на каком-то ящике, ноги были вместе и чуть приподняты на носочках, а ладони лежали на коленках. Но он заметил не только это, а то, что под платьем теперь ничего не было. Под словом ничего подразумевается, что на ней осталось только кружевное платье, она сняла даже тонкую подкладку, что была под кружевами. Подойдя поближе, он заметил, что веснушки покрывают ее руки, плечи и даже спину.

Игорь обошел ее со всех сторон, Вера не шевелилась, она только следила за ним глазами. Потом сел перед ней на корточки и начал рисовать. Она смотрела, как он это делает и в какой-то момент, не выдержав, рассмеялась.

– Что не так? – спросил он у нее.

– Ты такой серьезный, как будто решаешь задачу.

Он ничего не ответил, только краешками губ улыбнулся и продолжил свою работу. Вера не выдержала такой пытки и через минуту уже спросила:

– Ну, все?

– Нет, – сухо отвечал ей.

Еще посидев немного, она снова спрашивала:

– Ну, все?

– Нет, – повторял он.

В конце концов, Вера не выдержала, соскочила и подошла к нему. Он прижал рисунок к себе, она же наоборот протянула руку, требуя, чтобы он ей его отдал. Игорь посмотрел прямо перед собой, увидел сквозь кружева ее плоский живот и протянул рисунок.

– Ой, – первое, что успела сказать она. Потом наступило долгое молчание.

Девушка отошла в сторону, он следил за ней. Несколько раз сердито посмотрела на него, потом отвернулась. Игорь мог видеть ее тело и без платья, но прозрачные кружева только украшали его. Сидел и ждал вердикт от единственного зрителя.

– Это нагло, – наконец заявила Вера, – бесстыдно, аморально.

Игорь молчал, понимал, что пока она не выскажется, ему незачем открывать рот. Девушка подошла к окну, потом вернулась, встала около ящика, на котором сидела, положила рисунок на пол перед собой. Села так, как позировала, а потом, расставив пошире ступни, развела ноги, приподняла их на носочки и положила на коленки свои ладони.

– Так? – спросила она, обращаясь к Игорю.

Он посмотрел на нее.

– Не совсем.

– Что не так? – чуть раздраженно спросила.

– Платье...

– Что с ним не так? – и она посмотрела на рисунок. На нем платье было убрано с ног, оголив не только коленки, но и то пространство, что скрыто между ее ног.

Вера оторвала взгляд от рисунка, посмотрела на Игоря, который невозмутимо сидел на том же месте, где и рисовал. Тогда Вера подтянула кружевное платье и положила его себе на бедра. Тут же лицо покраснело.

– Так? – уже спокойно спросила его.

– Да, очень красиво.

Она застенчиво улыбнулась, опустила глаза и сказала:

– Можешь закончить рисунок? Там, кажется, чего-то не хватает?

Игорь встал, поднял рисунок, вернулся на место и внимательно посмотрел на то, как сидит девушка, а после, взяв уголек, сделал всего один маленький штрих. Он нарисовал узенькую полоску между ее ног. Встал и отдал рисунок Вере. Она на него долго смотрела.

– Почему ты так нарисовал? – спросила она.

– Не знаю. Почему-то мне показалось, что это твой характер, твоя сущность.

Она ему ничего не ответила, сомкнула ноги, отдернув платье, ткань закрыла их наготу.

– У тебя интересный мир, он мне даже нравится, нарисуешь меня еще?

Он кивнул головой. Не отходя далеко, Вера села на корточки, коленки плотно сжала, выпрямила спину, чуть в сторону повернула голову, и опустила подбородок к плечу.

– Я готова, – заявила она.

Игорь обошел ее, несколько раз приседал, вставал и снова ходил, потом сел у нее за спиной и начал рисовать.

Вера несколько раз поворачивала голову, ей хотелось как можно быстрее увидеть рисунок. Что нынче он нарисует? Но Игорь молча продолжал черкаться на бумаге. В конце концов она встала.

– У меня ноги затекли, – в свое оправдание сказала Вера, – можно посмотреть?

– Да, – спокойно ответил он.

Она быстро подбежала к нему, и он сразу протянул ей рисунок.

– Ой, – сказала она, – ой, – повторила второй раз девушка.

Она стояла к нему спиной и смотрела на то, что он нарисовал, Игорь же в это время смотрел на Верино тело. Оно ему нравилось, за эти несколько минут он узнал о ней так много. Кружевное платье только подчеркивало хрупкость ее тела, оно не могло скрыть ее желаний, которые в буквальном смысле вырывались наружу.

– А это не слишком? – с сомнением спросила она у него.

– Нет.

– Но... – Она задумалась, – невозможно... – Опять молчание, – глупость. Здорово, вот это да...

Держа рисунок в руке, Вера присела там, где стояла. Положила его в сторону, как позировала, плотно сжала ноги, встала на коленки, потом вытянула руки вперед и постаралась положить голову на пол. Но что-то не получалось. Вера снова выпрямилась, еще раз посмотрела на рисунок и спросила.

– Что не так?

– Встань на коленки как сейчас, – она это сделала, – потом вытяни руки вперед и коснись пола, а сейчас поднимай бедра как можно выше.

Игорь смотрел на ее тело и корректировал движение.

– Сделай так, чтобы угол в голених у тебя составлял примерно девяносто градусов.

– Ага... Еще возьми угольник, – огрызнулась Вера.

Не обращая внимание на ее реплику, он продолжил.

– Теперь вытягивай тело вперед до тех пор, пока голова и плечи не будут лежать на полу.

Вера так и сделала. Теперь ее плечи, голова и руки лежали на полу, ноги согнуты в коленях, а таз был высоко поднят.

– Постарайся расслабить спину, не бойся, что потеряешь равновесие.

Вера постаралась так сделать. Чем больше она расслаблялась, тем сильнее прогибалось ее тело в позвоночнике, оно гнулось к полу. И чем больше она прогибалась, тем больше разворачивался ее таз кверху.

Она стояла так, как стоит кошка, когда хочет кота. Этой позой она приглашает его, манит к себе, показывает покорность и свое желание спариваться.

– Ты очень гибкая, Вер, – Игорь встал, подошел к ней, присел сбоку, а потом, заканчивая последний штрих по рисунку, поднял платье, открыв ее острые ягодицы, и опустил кружева на ее плечи. Девушка молчала.

Теперь только плечи были прикрыты, все остальное тело обнажено. Игорь взял рисунок, подошел к Вериним ногам, сел, и не произнося ни слова, принялся рисовать.

Уголь начал отрисовывать очертания овала бедра, он делал набросок, потом сменил бумагу и начал все сначала. Уголь крошился, сыпался, делал в бумаге жесткие росчерки. Игорю не хотелось упустить ни одной детали, хотелось все запечатлеть в точности, как видел его взгляд.

У Веры ягодицы были острыми и широко расставленными, между ними шла пологая впадина, она слегка углублялась, а в ее центре располагался интимный вход в ее тело. Сердце билось, и пальцы с трудом держали уголь, он старался сосредоточиться, понимал, что времени

не так уж и много. Чуть ниже впадина расширялась, уступая место закрытой ракушке. Створки были плотно закрыты, они еще не готовы раскрыться. Игорь смотрел на это потрясающее творение природы. Ничего лишнего, все просто, только человеческая плоть, но как она манила, как она заставляла его тяжело дышать, а сердце – биться чаще.

Он делал один набросок за другим, ничего не получалось, каждый раз что-то упускал. Игорь положил листки бумаги на пол, сунул уголек в карман и стал просто смотреть.

Створки ракушки треснули и чуть разошлись. Сверкнула влажная красная плоть, Игорь притих. И вдруг они сжались так плотно, что выдавили из себя сок. Вера напрягла живот, чуть прогнулась и створки ракушки снова стали раскрываться. Они расходились в стороны, выпуская наружу свой язычок. Игорь моргнул, перестал дышать. Сок, что скопился в них, блестел по краям, а после нехотя стал стекать по бокам. Наступил момент, и первая капля упала на пыльный пол. Будто почувствовав это, Вера вздрогнула.

Мужской взор опустился, Игорь встал, подошел к девушке, аккуратно взял кружева и закрыл ими раскрывшуюся ракушку.

Минут через десять они уже шли домой. Игорь проводил Веру до магазина, дальше идти опасно, нейтральная территория кончилась. Она улыбнулась ему и сказала, что рисунки оставит себе. И еще добавила, что будет благодарна, если он сможет показать ей еще что-нибудь. Игорь согласился и просил Веру быть завтра в тех же графских развалинах.

Витрина в ночи

Рассказ из книги «Щекотка» глава 9

Вера видела, как Тарас взял телефон, вскользь взглянул на нее, но она не подала виду, что заметила этого. В последнее время он стал хитрить, то подкрадётся к ней в подъезде и, распустив руки, чуть вульгарно прижмет. Но ей нравилось это, другому бы точно разбила нос, но мужу нет. То в лифте, словно на показе, задерет юбку, как будто демонстрирует кому-то ее прелести. А в последний раз, пока ехали в переполненном метро, его ладонь каким-то образом умудрилась залезть под ее свитер и, поднявшись выше, коснуться груди.

Ей нравились эти игры, они доступны только ему и ей, и о них знают только двое, а может... Вера не хотела задумываться, видел ли еще кто-то, а если и так, то что из того.

Она отдыхала, только проснулась. Осенние дни стали короче и от этого хотелось еще немного поваляться в теплой постельке. Тарас вытянул руку с телефоном. Она поняла, что он снимает, но притворилась, что еще спит. Стараясь не шуметь, его свободная рука коснулась ее ноги. «Как это приятно», – подумала она и потянулась. Тарас сразу продолжил, будто только этого и ждал. Ладонь скользнула выше, ушла под одеяло. «Ах», – сказала про себя Вера, следя за его движением, и уже ждала продолжения.

Командировки, что в них хорошего? Тебя вырывают из уютной норки и бросают на растерзание лекторам. И ты слушаешь, слушаешь их часами, днями. От повышения квалификации Вера Степановна не могла отказаться, это ее обязанность. А впрочем, что тут такого. Раньше летала почти каждый месяц, но со временем то ли привыкла к домашнему уюту, то ли уже устала от гостиничных номеров. Хотелось вернуться домой, а не в одинокую постель.

– Вер, я вас приглашаю в кафе.

Он приклеился к ней в первый же день. Нормальный парень, такой же, как она командировочный. Только он перепутал ее с кем-то, подумал, что она готова оторваться и покувыркаться с мужчиной. Вере это было безразлично, кто он ей, да и зачем. Как только он предложил пойти в кафе, она сразу вспомнила мужа, будто он рядом и с интересом наблюдает за ее реакцией.

Тарас всегда безмолвно присутствовал где-то в ее сознании. И чтобы она ни делала, то ли в своем кабинете, то ли в зале менеджеров, он всегда был с ней. Кажется, она игралась с ним, дразнила, говоря тем самым, смотри, что я могу, а ты промолчишь. И он молчал, фантом мужа то испарялся, то возвращался. Порой с осуждением смотрел на нее, а иногда с большим любопытством, как бы подталкивая Веру продолжить.

– Хорошо, – согласилась она на кафе, почему бы и не поужинать.

Но дальше дело не пошло. Она захлопнула перед носом Макса дверь, он что-то там еще пробубнил, Вера улыбнулась, посмотрела назад, но через минуту забыла про него. Уже темно, еще несколько недель, и в восемь вечера будет темно как ночью. Ей не хватало света, простора и этого голубого неба.

Вера подошла и отдернула тяжелую штору. Огромное окно от пола до потолка, как это здорово. Но день гас, словно керосиновая лампочка, еще немного и зажгутся фонари. Она посмотрела на прохожих, которые брели по бульвару. Тут в основном приезжие, куда им спешить, они глазели во все стороны. Чьи-то взгляды на секунду остановились на ней, но тут же ушли в сторону.

– Что это? – спросила себя Вера Степановна и приложила ладонь к груди.

Это ощущение щекотки, интриги, хулиганства, дозволенности на грани фиаско. И сердце тук-тук, громко оповестило, что уже пора.

– Что? – не понимая своих чувств, Вера еще раз посмотрела на прохожих.

«Хитрец», – подумала Вера, следя за руками Тараса, а его ладонь скользила все выше и выше. Но она спала, вернее, делала вид, что сладко спит. Он коснулся ее бедра. «Мммм...» – промычала про себя она. Мужская рука немного погладила ее бархатистую кожу, а после осторожно стала приподнимать краешек одеяла.

«Что он задумал?» – скользнула мысль, а сама, стараясь не улыбаться, взглянула на себя со стороны. Рука еще чуть выше приподняла одеяло, появилась коленка. Еле заметная истомы, хотелось потянуться, но она продолжала терпеть. Тарас замер, чего-то ждал, но через несколько секунд потянул в сторону одеяло. Чуть прохладный ветерок коснулся ее животика. Опять секундное замешательство, и вот одеяло легло рядом с ней. Вера привыкла спать с мужем раздетой, зачем напяливать тряпки, когда рядом такой мужчина.

Он делал это осторожно, боясь разбудить ее. «Хитрец», – опять подумала она и продолжила игру. Стараясь не потревожить ее сон, он перевернул Веру на спинку. В животе сразу заурчало, а в груди все запело. «Как приятно», – думала она, разрешая ему погладить ее животик, а после...

Кто-то опять посмотрел на нее. Наверное, ее окно светилось как светлячок в черном небе и манил их взгляды. В груди что-то екнуло, и появилось ощущение далекой щекотки, предвестницы необдуманных ее поступков.

– Последний раз, – тихо произнесла она и задумалась над своими словами. – Нет, пора заканчивать с этим... Но... – она отвернулась от окна, подошла к столику и включила настольную лампу. – Нет, – еще раз сказала Вера Степановна и пошла в коридор.

По пути она выключила верхний свет, он ее стал раздражать, будто и правда в витрине магазина, а она – живой манекен.

– Последний раз, – тихо произнесла Вера и на ходу расстегнула бледно-розовый пиджак.

Униформа – это не красота, а необходимость. Ее носят все, продавщицы, полицейские, стюардессы и врачи. Она не исключение, корпоративные правила. Вера была не против, и в этом можно найти свою прелесть.

Вера аккуратно повесила пиджак на плечики. Стараясь не смотреть в окно, прикоснулась к пуговицам блузки. Секундное замешательство.

– Последний раз, – а у самой уже играло воображение, и эта ощутимая в груди щекотка. Еще несколько минут и тогда...

Ее пальцы расстегнули первую пуговицу. Шаг сделан, осталось закончить. Подойдя к зеркалу и смотря на свое немного растерянное лицо, Вера стала расстегивать пуговицу за пуговицей. Спустя минуту она будто о чем-то думала, блузка, как и пиджак, были аккуратно повешены в шкаф.

Ей некуда спешить, день закончен, осталось только завершить его. Пальчики коснулись юбки, ладонь скользнула по бедру, словно расправляя складку. Вот пуговица на поясе. Громко зашуршала молния. Щекотка усилилась, и где-то совсем рядом послышались голоса. Кто-то постучался в дверь.

Вера Степановна, ступая босыми ногами, подошла и спросила:

– Кто?

– Вер, может мы...

– Макс, встретимся завтра. Я уже устала...

Она не хотела ему объяснять, почему закрыла дверь и оставила его надежды на обочине. Ей он не интересен, что от него она может получить? Совсем ничего. Пальцы коснулись пуговицы на поясе, слабое напряжение, пуговица выскользнула из петельки. Неожиданно юбка упала на пол. Она переступила через нее, нагнулась и, взяв в руки, пошла к креслу.

– Вер... – донесся затихающий голос Макса.

Она отвернулась от двери и, подойдя к столику, еще раз посмотрела на свое отражение. «Что в нем не так?» – думала Вера, рассматривая свое лицо. Глазки сияли, словно выиграла приз. А эта улыбка, что она говорит? Опять щекотка в груди, она так близко подкралась, что стало трудно дышать.

Вера выпрямилась, пальчики коснулись шелковистой ткани лифчика. Почему-то не очень любила кружева, а бронированные чашечки, которые выглядели как рыцарские доспехи, даже ненавидела. Все должно быть нежным, продолжением твоего тела. Вот и лифчик у нее был таким же, нежным и тонким как ее кожа.

Маленькая застежка спереди, слабое нажатие пальцем, и створки разошлись, грудь тут же осела.

– М... – не выдержала Вера и тихо промычала.

Соски стали сжиматься. Она специально не смотрела на них, а продолжала рассматривать свое отражение в зеркале.

– Почему? – спросила Вера себя. – Почему я это делаю?

Она знала, что ее видно с улицы, но только не знала, смотрит ли кто-то на нее. А важно ли это? Грань, один шаг, и ты упадешь. Ощущение неизбежного, пока ты его контролируешь, но... Вера всегда боялась этого «но», поскольку сама не знала, что за ним может последовать.

В груди все заныло, даже стало больно. Но ведь именно этого она и хотела добиться, а после... «Что после?» – спросила себя и сделала шаг назад.

Тарас продолжил начатое. Он хоть и старался перевернуть ее осторожно, но получилось неуклюже. Тело выкрутилось, словно тряпка, которую решили отжать. Но Вера не подала виду, что ей неудобно. Теплая рука мужа потянула ее за плечо. Она сама незаметно ему подыграла, чуть пошевелилась и тут же легла на спину. Хотелось открыть глаза и, улыбнувшись, посмотреть в объектив.

Он снимал и делал это уже не первый раз. Вера не видела этих записей, нет привычки рыться в чужом телефоне. «Но зачем они ему?» – подумала она и представила себя, как сейчас выглядит.

Рука мужа коснулась груди, и пальцы чуть сжали ее. Хотелось охнуть, но Вера промолчала. «Не сейчас, рано», – говорила сама себе. Он гладил ее тело, плечи и бедра. Пальцами прикасался к голому, как у юной девочки, лобку. Почему-то Вере хотелось быть такой незащищенной, наивной и даже легкодоступной.

Она никогда не была проституткой, но могла представить вульгарные позы, от которых кровь в жилах застывала, а на душе становилось мерзко, отвратительно. «Но что тут такого?», – пока он играл ею, спросила она себя, давая возможность его рукам раздвинуть ее ноги. «Что такого? Тело, всего лишь тело, но...», – опять «но». Вера чуть напряглась, когда пальцы Тараса пошли ниже...

Вера Степановна сделала шаг назад и легко сняла с себя бежевые трусики. Тук-тук, тук-тук, как метроном отсчитывало время ее сердце. Подошла к столику и бросила их на поднос со стаканом. Остался последний штрих, ее хвостик. Она уже хотела снять резинку, но передумала. Тук-тук, уже с надрывом барабанило сердце, и в груди все ныло, ныло. Это была не боль, а настоящее наслаждение. Вера стояла и не шевелилась, она оттягивала время. Смотрела на отражение обнаженной женщины в зеркале и в душе улыбалась ей.

– Последний раз, – еще раз повторила она, глубоко вдохнула и повернулась лицом к окну.

Что там? Уже стемнело, глаза с трудом привыкли к уличному полумраку. Оранжевый свет фонарей вырвал из пустоты несколько фигур. Опять эта щекотка в груди, она ее докалывала. Вера посмотрела в глаза какому-то пожилому мужчине. Он стоял в стороне и внима-

тельно наблюдал за ней. Сколько он в своей жизни видел женщин? Десятки, сотни или только одну любимую? Вера повернула голову. Еще один взгляд смотрел на нее. Юнец притаился за скамейкой, что стояла в тени.

Тук-тук, сердце надрывно билось, но Вера делала все не спеша, будто ее это не интересует. Она вытянула руку, коснулась шторы и медленно повела ее в сторону. Тук-тук, сердце готово было взорваться, а эта щекотка, ах, как она ее доводит.

– Ах, – как только внешний мир был закрыт, громко произнесла женщина. – Нет... – она хотела еще что-то сказать, но не успела.

Вера Степановна переступила границу и теперь ее скрытые эмоции взяли вверх. Не удержавшись на ногах, ее тело упало на кровать и через несколько секунд забилось в конвульсии оргазма.

Она мечтала об этом весь вечер, ждала, оттягивала время. И если бы кто-то был рядом, ей было бы все равно кто, муж, а может даже тот самый Тарас, что еще полчаса назад скребся под дверью, намекая на продолжение. Вера с радостью бы отдалась. Да, потом жалела бы, но сейчас ей было на все наплевать.

Раскинув руки и ноги, ее тело дергалось. Тяжелый, утробный стон разносился по номеру. Может, кто-то услышит ее и улыбнется, а может, позавидует, что не он, а может с осуждением выругается и заткнет уши.

Ей было все равно, она была не здесь. Ее мир на мгновение исчез, и только эротическое сознание все продолжало и продолжало взрывать ее тело, которое, никем не управляемое, тряслось в конвульсиях секса.

– Последний, раз, – придя в себя, прошептали женские губы, и руки потянули одеяло на себя.

Фотосессия

Рассказ из книги «Непристойное предложение» глава 3

– Чем будешь заниматься?

– Не знаю, – я и вправду еще не знала. Эти дни были так похожи друг на друга, что если их смешать как карты в колоде, то не отличишь, который из них был вчера, а который и неделю назад. В общем, каникулы. – А что ты предлагаешь?

– Хотел с Юркой на моторке сгонять до острова, но его отец не разрешал. В прошлый раз мы почти весь бак бензина сожгли, вот ему и досталось.

Мы начали перебирать, что можно сделать, а что не стоит. Наш пустой треп продолжался еще какое-то время, а после мы встали и пошли по дороге, просто пошли и все.

Валерка – парень смешной, до сих пор боится, что его мать увидит, как он курит. Хотя, похоже, все знали об этом, даже его бабушка, но как раз-таки от нее и меньше было бы проблем. Она как-то призналась, что курит с самого детства, как себя помнит. Бабуле уже за восемьдесят, а бегают не хуже нас.

Валерка огляделся по сторонам, достал свои сигареты и смачно прикурил. Знала, что он не очень любит это делать, но выпендривается, мол, взрослый. Сама я не любила сигаретный дым, он мне казался горьким. Может это воспоминание от того, что отец курит на кухне, и

поэтому как бы ни проветривали дом, в комнатах всегда присутствовал кисло-горьковатый запах. Вот и сейчас, стоило ему прикурить, мои ноги сами повернули от него в сторону. Валерка хихикнул, мол, мелочь пузатая, в куклы тебе еще играть, но с пониманием отошел на шаг в сторону, чтобы дым уходил в поле.

– Ты знаешь, я тут на днях прочитал очень интересную книгу, про цифры, – и замолчал.

Выждав момент, я посмотрела на него как ослик Иа на Винни-Пуха, когда тот сказал: «Ну все же не могут...», и погрузился в свои мысли.

– Что цифры? – не дождавшись продолжения начатой фразы, спросила. – Что они?

Похоже, он этого и ждал. Подняв подбородок чуть выше и выпустив струю дыма, соизволил ответить.

– А ты знаешь, что аборигены до сих пор знают только цифру один и все.

– Как это, один?

– Просто у них нет других цифр. Они все считают: один и еще один, а если надо, то еще один. То есть похоже на палочки, а когда палочек уже много, то просто много и все.

Я задумалась.

– А разве так возможно, вот просто один и все?

– Я тоже так думал, но посмотри на детей, что они делают, когда надо считать?

– Что?

– Загибают пальчики, но все же продолжают считать: один, один, один и загибают пальчик за пальчиком. Так вот и считают аборигены.

Я посмотрела на Валерку как на ученого. А ведь и вправду, как все просто, один и один.

– И самое интересное, что египтяне тоже знали только цифру один.

– Что? Не может быть? – моему удивлению не было предела.

Тут он начал объяснять, как можно прекрасно обходиться и с одной цифрой, если знать, что и как делать. И это для меня оказалось открытием.

– Но это еще не все. Вот скажи, какие цифры были у римлян, то есть вспомни про римские цифры.

– А, это те, что палочками пишутся?

– Да, именно, палочками.

– Итак, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Мне что, все перечислять?

– Ты убежала уже далековато, а назвала всего-то три цифры.

– Не поняла, что значит три? – и, помолчав, осторожно и уже неуверенно сказала. – Десять.

– Нет, не десять, а только три, а именно: один, пять и десять.

Я задумалась, стараясь разложить в уме их по порядку, и тут я осознала простоту цифр. Наверное, он увидел на моем лице улыбку и тоже засмеялся.

– Я тоже так думал, как и ты. У римлян мало цифр, вот к примеру: 1 (I), 5 (V), 10 (X), 50 (L), 100 (C), 500 (D), 1000 (M). И чтобы набрать 1995 год, они делали следующее. – Валерка присел и стал пальцем выводить символы в пыли. – Вот что получается: MDCCCCLXXXV.

– Что? – я была поражена тому, что такая простая цифра, а получилось ужасно непонятно.

Стояла с открытым ртом. Вот это да, а я всегда думала, что это не так. Мы шли и смеялись над собой, над тем, что никогда не думали о таких простых вещах.

– А теперь вспомни про арабские цифры.

– Ну нет уж, я опять все напутаю, я не знаю...

– Знаешь-знаешь, просто сомневаешься, так?

– Да!

– И все же попробуй.

– Отстань, не буду, – я не хотела выглядеть неучем, хотя знала, что сейчас весь мир пользуется арабскими цифрами, но вдруг и здесь зарыта какая-то подковерка.

– Ладно-ладно, но самое странное, что у арабов не было цифры ноль.

– Не поняла? – захлопала я глазами. – Что значит, не было?

– Просто не было и все. Все было от единицы до девяти, а вот нуля нет, это арабы ее позаимствовали у индусов. То есть, она пришла из Индии, а нам говорят, что это арабские.

– Ничего себе.

– Это, кстати, не так давно выяснилось. Ученые смогли прочитать финансовый отчет, в котором было сказано, что на определенном поле нельзя вырастить ни одной розы, то есть ноль роз.

Потом он начал рассказывать про другие страны и народы, как они обходились без цифр вообще. Что у них не было письменности, но зато они смогли рассчитать продолжительность дня до сотых секунд. И одни из самых первых в мире поняли, что день – это не двадцать четыре часа, а намного меньше. И что есть лишние дни в году, и еще много чего такого, над чем я сама не задумывалась, потому что считала, что это само собой разумеющееся.

Мне было интересно его слушать, наверное, потому, что он говорил о том, чего я не знала. Про то, как вычислялся горизонт, как делался цемент, как римляне с помощью акведуков поднимали воду вверх без всяких мельниц, а только давлением. Он много чего еще мне говорил.

– А зачем ты с собой носишь все время фотоаппарат? – неожиданно для себя спросила я.

– Ну... Даже не знаю, просто фотографирую.

– И что тут фотографировать, коров да баранов.

– Ну почему же. Вот утром бывают сильные туманы.

Я передернулась от возможного холодного утра.

– И ты в такую рань встаешь?

– Ну не каждый день, а только когда хочется, а так...

Я перебила его.

– Зачем тебе это надо?

– А ты знаешь, кто-то и когда-то сказал, что фотограф – это историк. Нажал на спусковую кнопку, и история мгновенно остановилась. Все, ее уже нельзя повторить, она осталось только в том образе, что снял фотограф. Через десять минут этого уже не будет. Фотограф останавливает время. – Валерка показал рукой в сторону домов. – Будет все другое. Но если я сейчас сниму это, то выхвачу тысячную долю секунды из того, что безвозвратно пропадает.

– Жаль.

– Что жаль?

– Что вот так пропадает.

– Нет, в этом есть своя прелесть, – и добавил. – Иначе все жили бы прошлым.

– И все же, порой жаль некоторые моменты.

– Чувства, конечно же, не передашь фотографией, ни запаха, ни тепла. Но у зрителей есть свое воображение и, смотря на фотоснимок, они начинают чувствовать, что плоский огонь горячий, а надкусанное яблоко сладкое. В общем, это фотография.

Я посмотрела в сторону домов, на которые он только что показывал рукой, вздохнула и спросила:

– А что ты еще снимаешь?

– Не знаю, наверное, все.

– А портреты?

– Да.

– И репортажи?

– Иногда, если интересный сюжет.

– А людей?

– Что значит людей, они повсюду, как насекомые.

Он еще какое-то время философствовал на тему фотографии, а потом взял и спросил меня:

– Давай я тебя пощелкаю?

Я уже сама хотела ему предложить, поэтому тут же ответила:

– Давай.

Как будто Валерка знал, что я соглашусь.

– Тогда пошли ко мне, дома до двух никого не будет, спокойно проведем, ну, фотосессию.

– Что проведем?

– Ну, то есть, поснимаю тебя.

– А...

Я кивнула в знак своего согласия, фотосессия, значит фотосессия и мы пошли.

Дом у Валерки большой, двухэтажный. В нашем поселке таких не много, все завидовали ему, поскольку он жил на втором этаже, и еще у него был свой, пусть маленький, но балкончик.

В доме действительно никого не оказалось. Он проводил меня к себе в комнату, а сам занялся приготовлением аппаратуры. Я прошлась по комнате, посмотрела картинки, что висят на стене. Потом взглянула на свое отражение в зеркале. Все нормально, провела рукой по волосам, непослушный локон все не хотел лежать вместе со всеми. «А я, впрочем, ничего», – подумала и состроила себе рожицу.

Остановить время, на которое можно смотреть. Эта мысль крутилась у меня в голове. Ну просто машина времени, а не фотографии. Я взяла с полки книгу, открыла ее. В ней были фотографии, этого давно уже нет, и опять мысль о машине времени. Перелистывая страницы, начала их просматривать. Там были в основном репортажные снимки, но попадались и сюжетные зарисовки, одна мне понравилась, про балерину. Она танцевала на сцене, таких я видела, наверное, сотни, они мало чем отличались друг от друга. А на другой странице эта же балерина сидела на кресле, опустив руки, и улыбалась фотографу. Я перелистнула страницу. Следующая фотография была в другой тематике. Балерина стояла у зеркала, на ней была ее черная юбка. Она еще не успела ее снять, но выше пояса девушка была обнажена. Контраст черного и белого тела резал глаза, невольно заставляя смотреть на ее почти плоскую, девочкину грудь. Еще минуту назад она танцевала перед зрителями, и вот теперь. Это было как-то нереально, как из другого мира.

– Ну, я готов, – прервав мои размышления, сказал Валерка.

Я поставила книгу на полку.

– Что мне делать? Куда сесть?

– Это не важно, куда ты сядешь и что будешь делать. Просто ходи, смотри, лучше разговаривай, а я буду снимать. Договорились?

– Давай попробуем.

Я вспомнила, как маме захотелось сделать общий портрет. Они пошли в студию, и фотограф долго пыхтел, передвигал стулья, разворачивал ее то влево, то вправо, а тут... Я пожала плечами. Просто ходила, читала, садилась и думала, потом болтала и снова молчала. Он принес чай, делала вид, что пью его, а он продолжал снимать. Валерка появлялся то справа, то залезал куда-то вверх, почти под самый потолок, то слева ложился на пол. На какое-то мгновение представила себя знаменитостью, которую одолевают фоторепортеры. Правда иногда он меня одергивал, заставлял повторить то или иное движение. Говорил, что я делаю это театрально, что не надо позировать, чтобы я вела себя так, как будто его здесь нет. Попробовал бы он сам себя вот так вести.

А потом я снова пила чай. Казалось, еще немного – и лопну, но ему нравился пар от кружки, а мне сам чай и его аромат, какой-то полевой травы. А потом я просто перестала обращать на Валерку внимание, смотрела ему в камеру, но видела не объектив, а его глаза. Он

медленно порхал, как в замедленной съемке, ступал тихо и осторожно, боясь что-то задеть и издать лишний шорох.

Я снова увидела книгу с балериной, подошла к полке, взяла ее и начала листать страницы в поисках последнего снимка. Не сразу нашла его, и все же нашла. Она была красивой в этой странной позе. Вот только что она танцевала, улыбалась зрителям, и вот теперь в гримерной, стоит перед зеркалом и снимает с плеч платье. В комнате девушка одна, а фотограф, что ее снимал, лишь историк, который смог вырвать у времени эту секунду и сделать ее вечной. И теперь я сама стою здесь на втором этаже и смотрю на нее. На душе стало тепло. В этом снимке было что-то необычное, все просто, и в то же время так нагло голо.

– Хочешь, я сниму тебя также?

Тихий голос Валерки оторвал меня от снимка. Посмотрела в его глаза, затем закрыла книгу и поставила на полку.

– Заманчиво, но нет, – и повернулась к балкону.

– Да брось ты, это будут твои снимки.

– Нет, – опять ответила я.

– Не понравятся, выбросишь.

– Нет, – в очередной раз ответила.

– Я поставлю новую флэшку с памятью, и ты ее заберешь, а потом сама решишь, да или нет, все снимки только у тебя.

Я повернулась к нему, подошла и уставилась ему в глаза.

– Нет, и у тебя тоже, – и показала пальцем на его голову, давая понять, что человеческий мозг не хуже той самой компьютерной флэшки, а у этой памяти есть еще и эмоции.

– Я ведь только фотограф, иначе никак не получится.

Я подняла палец к его губам и прижала его.

– Молчи, не искушай.

Постояв какое-то время, я отступила к столу, взяла уже почти пустую чашку чая, осторожно отхлебнула, как будто он еще был горячим.

– Ага, – тихо произнес он, – есть сомнение.

Я опять посмотрела на него, он замолчал. Взяла в руки фотоаппарат, что лежал на столе, он оказался тяжелым. Посмотрела на маленький экран, на котором можно было как на компьютере просматривать снятые кадры. Это не то, что старые аналоговые фотоаппараты с пленкой. Этот умный, сам рассчитывают выдержку, диафрагму и сам же наводит резкость, твоя задача только подобрать ракурс и нажать на кнопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.